

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-4-619-629

EDN: VGYHPU

Научная статья / Research article

Конституция как объект политологического анализа

В.К. Белозёров

Московский государственный лингвистический университет, Москва,
Российская Федерация

✉ vk_belozerov@mail.ru

Аннотация. Конституция выступает, как правило, главным политическим и правовым актом государства и является объектом познания представителей различных отраслей научного знания, в основном права. Внимание политологического сообщества к документу остается ограниченным. Между тем конституция — важный источник сведений, работая с которыми посредством правильно определенного метода, можно составить объективное представление о государстве, генезисе, состоянии и перспективах его политического курса внутри страны и на международной арене. Названные обстоятельства указывают на то, что данный документ является важным объектом политологического анализа. При этом конституция представляет собой доступный и открытый документ, в связи с чем возникает риск ее шаблонного, поверхностного и стереотипного восприятия вследствие игнорирования ряда обстоятельств и процессов, обусловленных учетом условий, в которых она появилась и реализуется. Автор обращает внимание на то, что в общественно-политическом и научном дискурсе в России и за рубежом сложились и функционируют различные трактовки понятия «конституция». Существуют и альтернативные конституции государства представления и концепции относительно ее как документа и понятия. Посредством конституции происходит легализация и легитимизация политического порядка, особенно в чрезвычайных условиях, вызванных сменой власти. В этой связи возникает необходимость выделения в конституциях государств ключевых политических положений. По ряду формулировок документа разворачивается острая борьба между оппонентами, которые представляют обществу и отстаивают свое видение устройства страны. Важным для понимания политического значения конституции является и возможность обнаружения в ней признаков идентичности нации и устойчивой генетической связи настоящего с прошлым и будущим. При соотнесении заложенных в конституцию идеалов и чувственных образов с политической практикой важно считаться с декларативным характером положений документа, их футуристической ориентацией на созидание будущего. При анализе конституции государства следует учитывать широкий событийный, хронологический и иной контекст, воздерживаясь от упрощенного восприятия ее положений.

© Белозёров В.К., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: дискурс-анализ, государство, идентичность

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Белозёров В.К. Конституция как объект политологического анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 4. С. 619–629. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-619-629>

The Constitution as an Object of Political Analysis

Vasily K. Belozerov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

✉ vk_belozerov@mail.ru

Abstract. The constitution is typically the primary political and legal act of the state and is a subject of study for representatives of a variety of scientific disciplines. The political science community's attention to the document remains minimal. Meanwhile, the constitution serves as a valuable source of information. Working with the constitution, one can develop an objective understanding of the state, its origins, current situation, and possibilities for its political course within the country and on the international stage. These circumstances indicate that the constitution is a crucial subject for political science analysis. At the same time, the constitution is an accessible and open document; as a result, there is a risk of its superficial perception due to ignoring several circumstances. This article highlights the fact that numerous interpretations of the term “constitution” have emerged in Russian and international sociopolitical and scientific discourse. There are also alternative state constitutions. The constitution serves to legalize and legitimize the political order, particularly in emergency situations resulting from a change of power. In this regard, it is important to identify essential political clauses of state constitutions. The possibility of discovering evidence of the nation's identity in the constitution, as well as a solid genetic relationship between the present and the past and future, is critical to comprehending its political relevance. When connecting the principles enshrined in the constitution, it is vital to consider the declarative nature of the document's provisions as well as their futuristic orientation toward the development of the future. When examining the state constitution, it is essential to consider the broad event, chronological, and other contexts, rather than a simplistic interpretation of its contents.

Keywords: discourse analysis, state, identity

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Belozerov, V.K. (2024). The constitution as an object of political analysis. *RUDN Journal of Political Science*, 26(4), 619–629. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-619-629>

Введение

Конституция государства, являясь, как правило, его главным политическим и правовым актом, чаще всего выступает объектом исследования представителей юридической науки. Кроме того, на содержание данного документа

обращают внимание и представители других отраслей научного знания, например лингвисты [Таева 2019; Фролова 2018].

Конституция выступает и важным источником информации, работа с которой, при правильно определенном методе, позволяет составить объективное представление о государстве, его генезисе, состоянии и намерениях. Отсюда правомерно утверждать, что данный документ является объектом и политологического анализа. Диагностика же и прогноз политического курса той или иной страны в большинстве своем являются сложной теоретической и прикладной задачей. Политическая наука в настоящее время располагает значительным познавательным потенциалом, позволяющим так или иначе решать ее. В ее рамках формируются продуктивные подходы, позволяющие работать с текстами, сосредоточиваясь на их политическом содержании (прежде всего в МГУ имени М.В. Ломоносова) [Ширинянц 2019].

Сама по себе конституция является максимально доступным и открытым документом, в связи с чем возникает соблазн шаблонного и поверхностного ее понимания. Всесторонняя же оценка конституции с политологической точки зрения требует фокусирования внимания на целом ряде обстоятельств, в том числе и тех, которые способны ускользнуть от внимания исследователей.

Множественность конституций

Принято считать, что конституция является главным политико-правовым актом государства. Между тем само понятие распространено в различных сферах и в науке, например, в биологии, медицине и антропологии, для обозначения определенных феноменов (например, строения человеческого тела). Применительно к общественно-политической сфере (лат. *constitutio* — установление, определение) посредством него характеризуется устройство, организация политического пространства, его обоснование и закрепление, декларация такого устройства. В условиях различных культур и исторических эпох в понимании обществом конституции, в отношении к ней складываются свои оценки, представления и трактовки конституции [Ильин 1997: 310–316].

Вместе с тем и в рамках социально-политической сферы можно обнаружить примеры обращения к понятию «конституция», посредством которых выделяются конкретные сегменты жизни общества и обозначение их внутреннего устройства.

Так, в связи с периодически активизирующимся обсуждением необходимости и возможности урегулирования повседневно важных для всего общества экономических вопросов и их концептуализации предпринимаются — в России и за рубежом — усилия по разработке экономической конституции [Концепция... 2008]. Причем сам термин «экономическая конституция» уже более двух столетий присутствует в общественно-политическом и научном дискурсе. Обсуждение происходит в основном в связи с определением необходимости и пределов вмешательства государства в экономическую жизнь. Предпринимались в некоторых странах и попытки принятия самостоятельных

правовых актов с соответствующим названием, призванных выступать в качестве альтернативы конституции государства [Шмитт 2013: 144–148].

С учетом особой значимости в жизни общества вопросов обороны, организации и применения военной силы рядом авторов в прежнее время и теперь ставится вопрос о создании военной конституции. О необходимости военной конституции для своей страны писал прусский военный теоретик Клаузевиц. Причем речь шла о военном порядке, устройстве Пруссии, военных основах государства.

Регламентации и проектированию военного устройства государства значительное внимание было уделено молодым Гегелем в неоконченной рукописи о конституции Германии, которая не была опубликована при его жизни [Гегель 1978: 88–93]. Причем оба авторитетных немецких мыслителя размышляли о конституировании военного устройства страны фактически одновременно. На данное обстоятельство обратил внимание отечественный военный теоретик А.А. Свечин: «...Мы не можем категорически полностью отбросить и теорию случайного совпадения мыслей Клаузевица и Гегеля, как двух попутчиков. Исторические выводы-заметки, сделанные Клаузевицем в 1803–1805 годах после чтения трудов Малэ-дю-Пана, Робертсона, Ансильона, Иоганна фон-Мюллера — лучших историков того времени — о Ришелье, о Макиавелли, о раздроблении Италии и Германии, об образовании европейских государств, о Густаве-Адольфе — как две капли воды напоминают труд Гегеля 1802 г. „Германская конституция“, написанный, очевидно, под влиянием тех же исторических трудов. Эти работы Клаузевица и Гегеля, отражавшие в основном тягу к объединению Германии, были напечатаны лишь через много лет после смерти обоих авторов. Ум Клаузевица, несомненно, являлся родственным уму Гегеля» [Свечин 1935: 138–139].

Спустя несколько лет, уже будучи зрелым и опытным и находясь под впечатлением национального подъема в немецких государствах в период борьбы против французского владычества, прусский философ войны, используя слово «конституция» (нем. — *Verfassung*) в работе, написанной в 1819 г., настаивал именно на таком военном устройстве страны, в основе которого лежит воинская повинность [Clausewitz 1858]. Тем самым им был поставлен вопрос о политико-правовой регламентации участия народных масс в обороне страны. Как отмечал А.А. Свечин, «в весьма умеренных взглядах Клаузевица, конституционного монархиста, политические и военные вопросы тесно связывались, и, защищая ландвер, Клаузевиц требовал и конституции» [Свечин 1935: 224].

В постсоветской России представителями военного руководства высказывалась позиция о том, что военно-доктринальные документы государств по своему статусу приближаются к конституционным установлениям. В этой связи заслуживает внимания утверждение И.Н. Родионова, занимавшего пост министра обороны России (17 июля 1996 г. — 22 мая 1997 г.) о том, что «военная доктрина — это своего рода военная конституция государства,

положения которой должны быть известны всем»¹. При оценке видения такого статуса военной доктрины следует учитывать, что фактически посредством нее провозглашается, для чего страна готовит свою армию, что для нее неприемлемо и что потребует военного реагирования, при каких условиях она может обратиться к применению военной силы, каковы пределы такого применения.

Уместно обратить внимание на то обстоятельство, что теоретические конструкции, возникающие в результате рассуждений о возможности или о необходимости экономической и военной конституции, исходят из признания того, что именно указанные сферы жизни общества носят экзистенциальный характер, поэтому они и нуждаются в фундаментальной политико-правовой регламентации. Ведь речь идет о жизнеспособности и самой возможности существования народа, на который ложится все бремя расходов и жертв.

Приведенные примеры конституционной «фрагментации» скорее свидетельствуют о важности, первостепенности решения конкретных животрепещущих вопросов устройства общества, которые становятся актуальными при определенных условиях, особенно в экстремальной обстановке. Поэтому в конституциях многих государств немало внимания уделено вопросам устройства экономической жизни и военной силы. Случается, что в документе актуализируются и другие установления. В этой связи объяснимо стремление исследователей вычленить при анализе конституций их сердцевинную часть, ключевые положения.

Конституирование политического порядка

Как обоснованно определяется правоведами, конституция представляет собой основной закон государства, выражающий волю и интересы народа в целом либо отдельных социальных слоев (групп) общества и закрепляющий для реализации их интересов важнейшие начала общественного строя и государственной организации страны². Предназначение конституции — как главного политического и правового документа, определяющего жизнь страны, — раскрывается в ее функциях, к которым относят обычно учредительную, организаторскую, внешнеполитическую, идеологическую и юридическую.

Наиболее же рельефно предназначение конституции проявляется тогда, когда на мировой арене появляется новое политическое образование и оно во всеуслышание заявляет о себе. Поэтому в конституции государства, возникшего, например, в результате социальной революции, фиксируется и декларируется новый статус-кво. Он отражает установившийся политический и правовой порядок, соответствующий интересам и представлениям об устройстве общества

¹ Родионов И.Н. Какая оборона нужна России? // Независимое военное обозрение. 1996. № 22.

² Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. Сашко, 2000. URL: <https://constitution.garant.ru/science-work/modern/1776651/chapter/89300effb84a59912210b23abe10a68f/>

и о будущем страны группировки, которая пришла к власти, одержав победу в борьбе над своими противниками. Принятие в этих условиях конституции представляет собой легитимизацию и легализацию новой власти, создание и провозглашение порядка и правил, на основе которых в стране будут происходить выстраивание новых отношений и созидание будущего. Как подчеркивал в этой связи индийский политолог П. Шаран, «институционализация политической власти осуществляется главным образом через конституции, которые представляют собой нечто большее, чем просто документы. Фактически это сложные образцы институтов, законов и практики, которые регулируют и упорядочивают политическую систему» [Шаран 1992: 24].

Учреждением новой власти роль конституции не исчерпывается. Как показывает история, она порой становится объектом политической борьбы. Следует отметить, что периодически обостряющаяся борьба различных группировок за изменение тех или иных положений действующей в стране конституции или же за принятие новой свидетельствует о политическом значении этого документа. Данным обстоятельством следует объяснить, например, появление в постсоветской России конституционных проектов. Они готовятся политическими силами, исповедующими различные идеологии и представляющими публично собственное видение документа в целом или же отдельных его положений [Конституции и доктрины... 2009; Проект Конституции России 2012]. Подобным образом обосновываются и предлагаются изменения в общественно-политическом устройстве страны согласно представлениям о ее будущем. Правда, инициативы о необходимости новой конституции выдвигались в период до 2020 г. Представители же действующей власти обычно выступают за неизменность всего документа или незыблемость ключевых положений конституции во имя устойчивого и стабильного развития страны [Медведев 2018].

Поэтому даже с учетом безусловного признания конституции в целом как политического документа, в ней можно выделить более явственно выраженные ключевые установления, образующие ее ядро и отражающие суть и основы властных отношений. К таким положениям, подлежащим констатации в связи с провозглашением сущности возникшего нового властного статус-кво, относятся национальные ценности, статус личности, распределение и ограничение властных полномочий, понимание насилия в политике, отношения собственности и др. В этой связи немецкий политический философ и юрист Карл Шмитт обоснованно обратил внимание на то обстоятельство («Учение о конституции», 1928 год), что в конституции любого правового государства, наряду с изложением конкретных способов организации и устройства власти, всегда содержится и более общая часть, «содержащая принципы политической формы» [Шмитт 2010: 33]. Причем вовсе не обязательно, чтобы соответствующие положения документа выделялись в нем в самостоятельный раздел или главу.

В связи с необходимостью фокусирования на политической проблематике заслуживает внимания утверждение в ряде стран практики разработки так называемых политических конституций. Такой подход реализуется, в частности, в ряде государств Латинской Америки (исп. *constitución* — устройство,

constitución política — политическое устройство). Например, главный политико-правовой акт современной Боливии носит название «Constitución política del estado» («Политическое устройство государства»)³. Политические конституции действуют в Колумбии⁴, Коста-Рике⁵, Мексике⁶, Перу⁷.

Идентичность и генетическая связь с прошлым

Конституция представляет собой манифест идентичности нации, особенно если в ней провозглашено новое политическое учреждение страны. При этом вполне можно убедиться в том, что практически в любой конституции государства содержатся пафосные формулировки, используется возвышенный стиль, лозунги и призывы, призванные демонстрировать общественности в стране и за ее пределами высокие идеалы, порождать чувственные образы, в том числе показывать образ светлого будущего, которое государство созидает. То есть в известном смысле практически все конституции содержат признаки романтизма.

Отсюда неправомерно воспринимать конституцию и ее содержание как безусловную демонстрацию полного отказа страны от своего прошлого. Поэтому неверно исходить из обязательного взаимоисключения установившегося политического статуса-кво, с одной стороны, и предшествующего исторического развития социума — с другой. Особенно, если речь идет о таких сложных социальных духовных феноменах, как обстоятельства антропологической природы и/или историческая память народа.

В той или иной мере посредством конституции для самих граждан и для окружающего мира декларируются исторически сложившийся в конкретной стране жизненный уклад, традиции и обычаи народа, его отношение к религии, другие культурно-ценностные властно значимые феномены. Характерно, что реализовывавшийся в советское — официально атеистическое — время тезис «кто не работает, тот не ест», нашедший закрепление в конституциях 1918 и 1936 гг. и в моральном кодексе строителя коммунизма (1961 год), совпадает (т.е. фактически заимствован) с библейской заповедью, содержащейся во Втором Послании апостола Павла к Фессалоникийцам (Солунянам): «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Фес. 3:10). Вообще реализация советского проекта мироустройства в той или иной мере предполагала обращение к накопленному человечеством опыту борьбы за социальную справедливость. Характерно, что

³ Bamco Central de Bolivia. URL: https://www.bcb.gob.bo/webdocs/NUEVA_CONSTITUCION_POLITICA_DEL_ESTADO.pdf

⁴ Constitución Política de Colombia. URL: <https://www.corteconstitucional.gov.co/inicio/Constitucion%20politica%20de%20Colombia%20-%202015.pdf>

⁵ Во введении к Конституции Коста-Рики указано, что документ является политической конституцией. URL: https://www.corteidh.or.cr/tablas/17808_2.pdf (дата обращения: 20.10.2024).

⁶ Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos. URL: https://www.gob.mx/cms/uploads/attachment/file/646405/CPEUM_28-05-21.pdf (accessed: 20.10.2024).

⁷ Constitución Política Del Peru. URL: https://www.oas.org/juridico/spanish/per_res17.pdf (accessed: 20.10.2024)

философ Николай Бердяев, объясняя природу советской власти в России, стремился обнаружить ее связь с русской духовностью («Истоки и смысл русского коммунизма»).

Можно привести и другие примеры того, что в конституции, даже в случае радикального провозглашения в ней разрыва с предыдущим укладом, в том или ином виде обнаруживаются следы прошлого, присутствуют и проявляются ценности и идеалы, которые сложились в народе в ходе предшествующего исторического развития. В этой связи Гегель, которому конституция Германии представлялась как организация тела страны („Die Organisation dieses Körpers, welche die deutsche Staatsverfassung heißt...“), подчеркивая наличие в ней генетической связи с прошлым, возвышенно писал: «В формах этого организма выражены справедливость и власть, мудрость и храбрость давно прошедших времен, честь и кровь, благополучие и нужда давно истлевших поколений, исчезнувших вместе с ними нравов и отношений» [Гегель 1978: 68].

Соглашаясь с оценкой немецкого философа, который обратил внимание на присутствие в конституциях проявлений самобытности народа, присущих ему предпочтений и стереотипов, национальных мифов, нельзя согласиться с представлением М.В. Ильина о содержании, функциональности и причинах появления конституций в нашей стране, полагая их прежде всего персонифицированным продуктом конкретного государственного руководителя: «Реальные политический смысл и ценность данных текстов невелики. Самое полезное в них — оттачивание стиля и тренировка политической фантазии соответствующих деятелей» [Ильин 1997: 316].

Приведенная оценка является фрагментарной, в известной степени пренебрежительной и поверхностной. Например, для понимания государственного и общественного устройства России, нашедшего свое отражение в конституции, нельзя не учитывать, в частности, укоренившегося в народном сознании в течение многих веков синтетического понимания своей страны. Например, как установил академик Д.С. Лихачев, издревле под Русской землей в нашем народе понималась не только Русская страна, но и русский народ и русское войско [Лихачев 1987: 3]. В этой связи более взвешенной представляется позиция тех российских авторов, которые рассматривают историческую преемственность как конституционную категорию [Основной закон... 2021: 70–82]. Тем самым обеспечивается разумный отход от привязки к политическому режиму (который может оцениваться извне как «хороший» или «плохой»), и, наоборот, создаются возможности для поддержания идентичности нации и ее консолидации посредством целостного восприятия исторического генезиса России.

Конституционные идеалы и политическая практика

Обстоятельствами социально-психологической и культурно-ментальной природы и, разумеется, отнюдь не только ими можно объяснить то, что в реальной жизни установки конституции не всегда соблюдаются буквально и строго, реализуются немедленно и неукоснительно. То есть самой по себе фиксации

в высшем правовом акте страны ценностей, норм и образцов поведения все же недостаточно для их реализации. На самом деле наличие их в конституции представляет собой необходимое, но не достаточное условие для их имплементации и реализации в практической жизни.

В действительности политические ценности и идеалы закрепляются в конституции, исходя из принципа долженствования, обозначения желаемого состояния, к достижению которого страна и общество стремятся. Поэтому в социально-политической практике любой без исключения страны, провозгласившей себя демократической, можно обнаружить признаки, порой весьма зримые, свидетельствующие о несоответствии их характеристикам и общепринятому пониманию указанного режима. В данном отношении прав немецкий исследователь Ральф Дарендорф, обративший внимание на то, что «самые лучшие институты никогда не бывают точно такими, как на бумаге. ...Реальная конституция всегда должна считаться с историей, культурой и другими своеобразными условиями определенных обществ. Поэтому ее трудно перенести из одной страны в другую» [Дарендорф 2002: 100].

Осмысление отечественного и зарубежного опыта, в том числе и ошибок, заблуждений и иллюзий, ожиданий, отражающихся в конституциях, побуждает задуматься над необходимостью целеуказания для общественного развития и определения образа будущего посредством изложения соответствующих установлений. Так, размышляя о конституции нашей страны в связи с тридцатилетием ее принятия, председатель Конституционного суда Российской Федерации В.Д. Зорькин видит ее жизнеспособность в том, что в ней должен отражаться образ будущего нашей страны. Между тем, как констатировал В.Д. Зорькин, «в настоящее время при всем обилии программных документов и стратегий развития различных сфер экономической и общественной жизни нам явно не хватает ясного, целостного, стратегического в подлинном смысле этого слова, образа будущего, который мог бы объединить различные слои общества и стать основой общественного согласия. Чтобы разрабатывать стратегию какой-то отдельной области государственной и общественной жизни, надо иметь общий образ будущего и видеть, как развитие соответствующих отношений вписывается в этот желаемый образ»⁸.

Можно выявить и другие проявления в конституциях самобытных идеалов и представлений о мироустройстве. Так, при изучении этих главных правовых актов государств можно обнаружить признаки приверженности того или иного политического субъекта определенным традициям и способам защиты страны, организации ее обороны, получить представление о своеобразном восприятии предназначения и устройства военной силы.

Выделению сложившихся отличий в социально-психологических и культурно-ментальных установках социумов способствует и понимание разницы в приемлемости, содержании и пределах применения насилия,

⁸ Зорькин В.Д. Под знаком Конституции. 12 декабря исполняется 30 лет Основному закону страны // Российская газета. 2023. 11 декабря.

в том числе вооруженного, как внутри страны, так и за ее пределами для решения политических задач. В ряде случаев эти особенности вполне предметно отражаются в положениях главных правовых актов государств. Так, отнесение Конституцией США к полномочиям конгресса (раздел 8 статьи 1) права определять и карать акты пиратства, выдавать свидетельства (т.е., разрешения) на каперство и репрессалии вполне убедительно свидетельствует об изначально сложившемся у американской нации своеобразном понимании войны, средств и способов ее ведения. Закрепленный и легитимизированный в Конституции США подход предполагает готовность и способность вести борьбу с внешнеполитическими оппонентами посредством привлечения даже криминальных структур, без установления для них ограничений, без использования своей государственной военной организации, армии. Если в России действия подобным образом все еще встречают удивление или непонимание, то в рамках англосаксонской политической культуры они считаются вполне естественными и повседневно применяются на практике. На приведенном и иных подобных примерах можно вполне убедиться в обоснованности утверждения Гегеля относительно того, что «оружие есть не что иное, как сущность самих борющихся» [Гегель 2000: 195].

Заключение

Изложенные обстоятельства указывают на обоснованность отношения к конституции как к важному и многоаспектному познавательному объекту политологического анализа. Вполне правомерно соотнесение главного политического и правового документа государства с более широким событийным, хронологическим и иным конкретизированным контекстом, нежели простое и буквальное прочтение и восприятие его положений.

Вместе с тем автор не претендует на проведение полной и всесторонней проработки вопроса, признавая фрагментарность и дискретность состоявшегося анализа и ограничиваясь во многом лишь постановкой вопроса. Несомненно, необходимы дальнейшие исследования, которые, думается, обязательно последуют.

Поступила в редакцию / Received: 06.08.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 21.10.2024

Принята к публикации / Accepted: 30.10.2024

Библиографический список

Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. Москва : Наука, 1978.

Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. Москва : Наука, 2000.

Дарендорф Р. Современный социальный конфликт: очерк политики свободы. Москва : РОССПЭН, 2002.

- Ильин М.В. Слова и смыслы: опыт описания ключевых политических понятий. Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997.
- Конституция и доктрины России современным взглядом: материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 17 марта 2009 г.). Москва : Научный эксперт, 2009.
- Концепция «экономической конституции»: современные исследования: сб. научн. тр. / под ред. Г.Н. Андреевой Москва : ИНИОН РАН, 2008.
- Лихачев Д.С. Золотое слово русской литературы / Слово о полку Игореве. Москва : Худож. лит., 1987. С. 3–20.
- Медведев Д.А. 25 лет Конституции: баланс между свободой и ответственностью // Закон. 2018. № 12. С. 8–16.
- Основной закон России: величие страны и достоинство граждан / под ред. Ф.З. Алиева, Б.В. Межуева, А.Б. Рудакова. Рыбинск : Медиарост, 2021.
- Проект Конституции России / отв. ред. М.А. Краснов. Москва : Фонд «Либеральная миссия», 2012.
- Свечин А.А. Клаузевиц. Москва : Журнально-газетное объединение, 1935.
- Сулакишн С.С. и др. Проект Конституции России / Центр научной политической мысли и идеологии. Москва : Концептуал, 2016.
- Таева Н.Е. Язык и стиль советских конституций // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. № 9. С. 87–96. <http://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.61.9.087-096>.
- Фролова О.Е. Конституция РСФСР 1918 г.: лингвистический портрет текста // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2018. Т. 20. № 3 (178). С. 27–43. <https://doi.org/10.15826/izv2.2018.20.3.043>
- Шаран П. Сравнительная политология. Москва : Б. и., 1992.
- Шириняц А.А. Политическая текстология в Московском университете // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология. 2019. Т. 11. № 1. С. 145–150.
- Шмитт К. Государство и политическая форма. Москва : Изд. дом Гос. ун-та — Высш. шк. экономики, 2010.
- Шмитт К. Государство: право и политика. Москва : Издательский дом «Территория будущего», 2013.
- Clausewitz C. Unsere Kriegsverfassung // Zeitschrift für Kunst, Wissenschaft und Geschichte des Krieges. 1858. Bd. 104. 7. Heft. S. 41–67.

Сведения об авторе:

Белозёров Василий Клавдиевич — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии, Московский государственный лингвистический университет (e-mail: vk_belozerov@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-4875-5878)